

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

стр. 8-10

СЛУШАТЬ
СТИХИЙНУ

О ЗАМКЕ,
О ЛЮДЯХ,
О ТЕАТРЕ

стр. 12-15

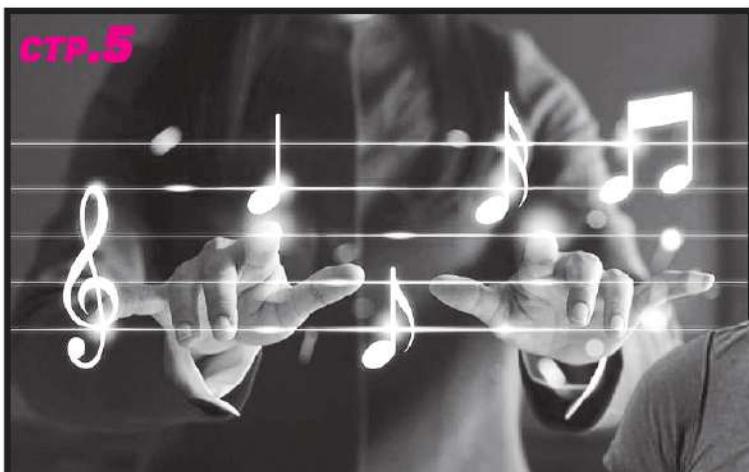
СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№39 (68)
СЕНТЯБРЬ 2021

Бульварные новости

стр. 5

МУЗЫКИ
ВОЛШЕБСТВО

стр. 16-17

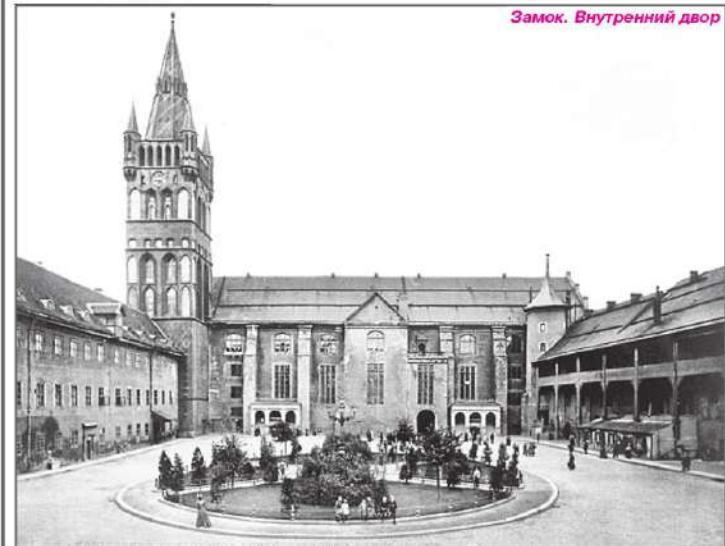
АЙДА В
АЙДАХО!

СТИНГ

стр. 6-7

О ЗАМКЕ, ЛЮДЯХ, ТЕАТРЕ

Геннадий Норд

КОРОЛЕВСКИЙ ЗАМОК

В полукилометре от замка громоздилась закопченная коробка здания немецкого университета — знаменитой Альбертины, в которой всю жизнь преподавал Иммануил Кант.

Кенигсбергский университет был сильно разрушен. Но под самой крышей целины еще оставались барельефы, изображавшие неизвестных нам великих людей. На балюстраде кое-где стояли не тронутые бомбами и взрывной волной античные скульптуры: они как будто хотели взлететь в небо. Роскошный до войны район Трагхайм, сердце Старого города, как и соседний Штайндамм, лежал в руинах.

А рядом был Нижний пруд.

Мы не знали тогда, что до войны это был вовсе не Нижний, а Замковый пруд, Шлосстайл, и здесь было любимое место отдыха нескольких поколений кенигсбержцев — променад у Замкового пруда. Замок возвышался рядом.

Королевский замок!

Мы с пашанами лезли по щербатым от кирпича и щебня склонам, а приближившись к стенам замка, нырнули между сохранившимися контрфорсами мощной кирпичной кладки не то под арки, не то в огромные проемы окон.

А там, внутри, было то же самое, что мы

видели и во многих других разрушенных немецких зданиях: пирамиды колотого кирпича, обломков штукатурки, арматуры, битого стекла.

Королевский замок! Он был естественной декорацией наших собственных на ходу разыгрываемых пьес: мы играли в разбойников, кладоискателей и рыцарей. Мы понимали, раз замок Королевский, то и жили тут короли. В детстве легко нафантазировать про балы, дуэли, турниры. Ну откуда могли мы знать, что здесь, в этих теперь уже разрушенных стенах, в разное время вершилась судьба не только Пруссии, а Европы и России?

Могло ли тогда наше детское воображение нарисовать картинку бала, который давал русский губернатор Корф местной знати?

А прием в честь Петра Первого, навестившего Кенигсберг?

А трапезы братьев рыцарей-тевтонов? Нам была неведома история замка.

В 1807 году Наполеон был в его стенах — разве слышали мы об этом? Как и многое другое из прошлого здешней земли — это была тайна за семью печатями.

На уроках учителя нам рассказывали только о «псах-рыцарях». Книжек не было. Родители тоже мало чем могли помочь, так как и они ничего не знали. Да и вообще официальная идеология исключала возможность самого любопытства по поводу этого предмета.

История начиналась с 1945 года.

Замок. Снос

А самое главное — тогда так немного времени прошло после войны, так остра была еще боль от потерь и перенесенных страданий, что неудивительно, если с чьих-то уст срываются: «Замок — гнездо прусского милитаризма». А раз стоит он, разрушенный и поврежденный, возмездие свершилось. И сохранившаяся среди руин башня Королевского замка была определенным знаком времени. Знаком побежденного города.

Замок Кенигсберга построили в 1255 году, назвав его в честь короля Богемии Королевским.

Сначала крепость состояла из нескольких деревянных построек, окруженных валом с бревенчатым палисадом и рвом. Следом начали возводить каменный за-

мок — к 1261 году его строительство было закончено.

Подобных Орденских замков в стиле тяжелой готики в Пруссии больше не строили.

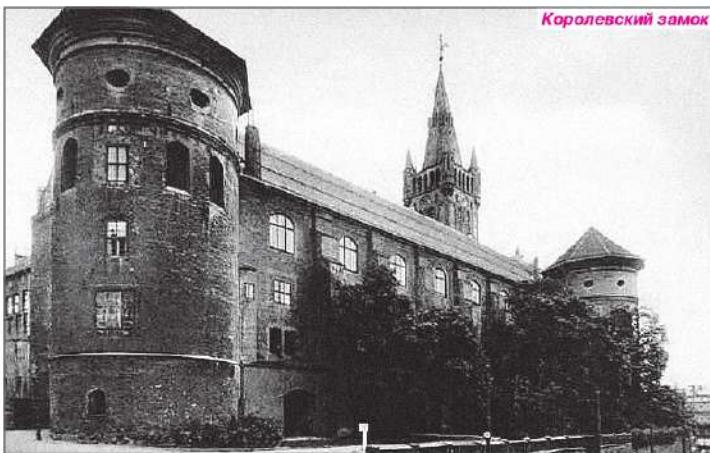
До 1327 года замок был резиденцией комтура, правителя духовно-рыцарского округа, маршала ордена, конвента, а потом магистра.

В 1511 году начинается правление магистра Альбрехта Бранденбургского. Альбрехт, инициатор реформации, защитник и покровитель ученых, поэтов, писателей, превращает орденское государство в светское общество. При нем замок из крепостного сооружения постепенно превращается в центр духовной жизни, хранилище художественных

Замок. Внутренний двор

Королевский замок

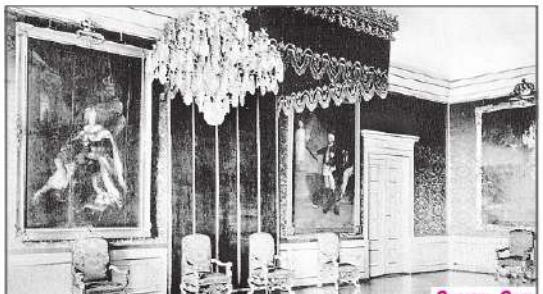

Замок. Зал

Замок. Один из залов

Замок. Зал

ценностью. В 1516 году Альбрехт принимал послов московского князя Василия Третьего, и в честь этого события позднее восемидесятихметровый зал в западном флигеле стал называться Московским.

В 1697 году в составе Великого посольства замок посетил русский царь Петр Первый — под именем Петра Михайлова — пока его не разоблачили курфюрст Фридрих Третий. Петр будет здесь с видом еще дважды.

Во время Семилетней войны замок был резиденцией русских губернаторов. Кенигсбергом правили Виллем Фермор, Николай Корф, Василий Суворов (отец нашего великого полководца), Петр Палин, Федор Воецков.

В замке родился король Фридрих Первый, здесь вплоть до последней войны сохранились в неприкословности апартаменты королевы Луизы, напомнившие о временах войны с Наполеоном.

17 января 1701 года здесь короновали Фридриха Третьего, бывшего до этого Великим курфюрстом герцогства Пруссия и добивавшегося у императора согласия на возышение подвластной ему территории до королевства. День коронации прошел необыкновенно пышно и торжественно. Прусским коронованным скрипетом стал украшенный алмазами скриптор, подаренный русскими во время приема Великого московского посольства в мае 1697 года.

С 20-х годов двадцатого столетия замок начал все более приобретать черты исторического мемориала, культурно-художественного центра. Здесь находилась «Серебряная библиотека» — сокровище, получившее мировую известность, двадцать книг в серебряных переплетах с золотом: Евангелие, теософская литература, документы по истории дипломатии, внешней политики и религии, философские труды. В замке насколько веков хранилась и украшенная б17 миниатюрами Радзивилловской летописью — памятник древнерусской письменности, реликвия славян. В художественных собраниях замка были представлены полотна многих знаменитых художников, в том числе Лукаса Кранаха.

Под сводами замка нашли свой последний приют бесценные шедевры мирового искусства. По одной из версий, именно тут теряется след Янтарной комнаты. Королевский замок был «перевалочной базой» при эвакуации в глубь рейха сокровищ, награбленных нацистами, — теперь мы называем эти сокровища «перемещенными ценностями».

Я совсем не понимаю, зачем нужна была «ковровая бомбардировка» исторического центра Кенигсберга, Старого города. Ссылки на то, что бомбили промышленные предприятия рейха, малоубедительны: заводы были все больше по окраинам и остались почти целыми.

Но у войны своя беспощадная логика. Бомбы падали на Киев, Константина, Лоран, Ленинград, и нормальным людям, будь они какой угодно национальности, не понять никогда: зачем, почему, как можно было допустить?

Напалмовые бомбы, сыпавшиеся на Кенигсберг в ночь на 30 августа 1944 года, были скреплены друг с другом металлическими тряпками, чтобы, падая в связку, уничтожать здания наверняка.

Горелая вода в Прегеле. «И Город, и Собор в плах, в пепел превращались...»

Несомненно, одно из варварских злодействий человека в XX веке — бомбардировка 30 августа 1944 года английской авиацией Кенигсберга. Жестокое и бессмысличное уничтожение города, судьба которого уже была определена

политиками: война шла к концу, Сталин, Рузвельт, Черчилль, по существу, уже решили, каким будет раздел Восточной Пруссии — Кенигсберг отходит русским.

Удивительно, но после бомбежки и позже, в апреле 1945 года, после четырехдневного штурма города кое-что от замка все же осталось: значительная часть его флигелей, в частности — западного и восточного, башни, променад на южной стороне, древние стены, подвалы. «Желтую башню», построенную в 1255 году, свидетельницу битв крестоносцев с пруссами, взорвали уже 10 ноября 1945 года.

На Замковой площади часто снимали кино. Это была живая натура.

Дети мы часто бегали сюда посмотреть, как снимают фильмы. Киносъемочные группы ездили в Калининград с большой охотой. Снимали «Балладу о солдате». И Григорий Чухрай один из первых зрительских показов сделал тогда в Калининграде.

Снимали много. «Мир входящему», «На семи ветрах», «Отец солдата», «Женя, Женечка и Катюша», «Щит и меч»...

Декорации войны киносъемщикам ничего не стоили. Город долго не застраивали, видимо, неуверенные в его дальнейшей судьбе.

Москва средства на строительство не давала.

Но людям надо было где-то жить, им нужны были магазины, кинотеатры, парикмахерские, ателье. Постепенно расчищали развалины: появлялись новые улицы, новые здания. Город менял свое лицо.

И замок решили снести.

Калининградская интеллигенция написала письмо в его защиту. Однако кто же их послушал? По логике обкомовских деятелей, надо было молчать и выполнять указания партийных лидеров. Начались гонения на тех, кто подписал письмо.

И в 1967 замок снесли.

Я видел, как тягачи растаскивали сохранившиеся стены Королевского замка. Это плохо удавалось. Я помню огромную рыхую проржавленную грушу, которой с помощью подъемного крана пытались разбить кирпич старинной кладки — ничего не получалось. Я не был возле замка, когда его взрывали, но слышал жуткий грохот. Не только я, а все, кто мог, побежали к замку. В домах в округе выбетали стекла, кто-то ругался, костеря «любимую власть».

Башни Королевского замка, стены с мощными контрфорсами больше никому не мозолили глаза...

На месте Королевского замка до сих пор стоит советский долгострой — Дом Советов. Кому-то показалось, что это здание будет украшать советский Калининград. «Монстром» прозвали его в народе, а строительную площадку — «проклятым местом».

Ко Дню празднования 750-летия Калининграда-Кенигсберга в 2005 году у меня состоялись сольные концерты в Калининграде. Должны были приехать высокие гости. Я видел, как монстра облицевали и застеклили, чтобы он не пугал гостей города пустыми глазницами.

С тех пор этого монстра несколько раз продавали, он менял владельцев, обещали его достроить, находились и такие «умные головы», которые предлагали сделать этого урода символом города. Здание несколько раз к праздниками облицовывали, стеклили.

Недавно я проходил мимо. Облицовка опять отвалилась, многие стекла выбиты и на мири смотрят пустые оконные бойницы памятника человеческой бесхозяйственности...

ГАРКАВИ

Людей, а особенно, профессоров, которые имели свой взгляд на жизнь, на власть и могли свободомыслить доисти своим студентам, эта власть отправляла в неофициальную ссылку. Подальше с глаз из Москвы и Ленинграда. В полуразрушенный Кенигсберг-Калининград.

Так в Калининградском университете оказались Александр Миронович Гаркави, Тамара Львовна Вульфович, Александр Николаевич Шрамм, Александр Исаакович Юделевич...

Мне невероятно повезло — я учился у них. А сегодняшние студенты учатся по их учебникам.

Мой преподаватель профессор Александр Миронович Гаркави был одним из самых крупных в Союзе исследователей творчества Николая Некрасова. Наверное, равным Корней Чуковскому. Даже книга произведений Некрасова в двухтомной Библиотеке Всемирной литературы вышла под редакцией их обаих.

В 1956 году Гаркави даже удалось отыскать ранее неизвестное сочинение Некрасова — «Сказку о добром царе, злом воеводе и бедном крестьянине».

— Совесть моя спокойна, — говорил Корней Иванович, — так как в Калининграде есть Гаркави, пошедший в некрасоведении дальше меня по той же дороге, по которой шел я. Я был бы полным идиотом, если бы не признавал его своим законным наследником. Он зачеркнул многие мои утверждения, и за это я, как все читатели, благодарен ему.

А в письме к Александру Мироновичу Чуковскому написал: «Как жаль, что во время моей некрасоведческой юности Вас еще не было на свете: сколько ошибок избежал бы я в те времена, если бы у меня был тогда такой проницательный и любящий дело товарищ. Уверен, что Вы будете увенчаны желанной победой! В общем, старик Чуковский вас заметил, и в гроб сходя, благословил».

Маленький, полненький, с сухой левой рукой Гаркави обладал энциклопедическими знаниями. Студенты его обожали и табунами собирались на его лекции. Многие мои однокашники, уверен, не зря говорили, что до лекций Александра Мироновича просто не знали, что такое russkaya literatura.

А он по образу мыслей, по стремлению к свободомыслию по своим открытым высказываниям был очень похож на обожаемого им Некрасова.

Он был первым доктором наук и профессором Калининградского государственного университета, 23 года подряд возглавлял кафедру русской и зарубежной литературы.

Нынешние студенты уже не знают, кем был для становления филфака профессор Гаркави.

Нынешние помним! И его темно-зеленое пальто, и его лекции, и его неблагоустроенную квартиру на улице Офицерской — на улице Гаркави, как мы ее называли — в которой он собрал уникальную библиотеку и хранил книги и репрессированных, запрещенных писателей. Высокий нравственный поступок — оставить в те годы у себя эти книги!

Ох, и не любили же Александра Мироновича в Калининградском обкоме. Сколько нервов ему потрепали, сколько гадостей сделали. И довели, в конце концов!

В восемидесятом году Гаркави выбросился из окна. Ему было всего пятьдесят восемь.

Удивительно, но город до сегодняшнего дня, практически, ничего не сделал

Игорь Савостин

Миша Снагипир

Алик Михайлов

Альберт Михайлов

Михайлов за режиссерский пультом

Окончание. Начало на с. 12-13

для увековечивания памяти ученого. Нет даже памятной доски на доме, где жил профессор Гаркави.

Наступит ли когда-нибудь время «собирать камни»?

ВУЛЬФОВНА

Тамара Львовна Вульфович. Вульфовна. Именно так ее звали студенты. С ее именем связан полувековой период культурной и общественной жизни Калининграда.

Блистательный знаток мировой литературы и стол же блистательный преподаватель, талантливый учёный и театральный критик, бессменный руководитель студенческого театра, она была кумиром не одного поколения молодежи, обретшей себя в педагогике, в журналистике, в искусстве. Она была живой легендой города, неотъемлемой частью его духовной жизни, его душой.

Вульфовна учила еще мою маму.

Она приходила в театр на спектакли, в которых я был занят, когда еще учился в школе.

— Непременно приводите его на литефак, — говорила она моей матери. — Только мы сделаем из него человека.

И я поступил на литефак, и ходил на ее лекции, как на праздник.

Не думаю, что у кого-то из студентов есть конспекты ее лекций. Их нельзя было записывать, потому что невозможно было оторваться от того, что рассказывала Вульфовна. И как она это делала! Она разыгрывала сценки, и пела, и танцевала.

Она никогда на экзаменах не спрашивала критику об авторах и их произведениях. Надо было прочитать хотя бы по одному произведению писателя — а список был внушительный — и рассказать содержание произведения.

Она делала из нас начитанных людей. А суждения о романах и повестях, считала она, мы выработаем сами, не забивая голову критическими статьями и параграфами учебников.

Она создала в Университете творческий клуб чтецов и любителей поэзии, проводила коллективные обсуждения новинок литературы. В 1974 вместо комсомольского собрания Вульфовна позвала нас на закрытый просмотр фильма Андрея Тарковского «Зеркало». Ее потом за это обсуждали на партийном собрании, осуждали, ругали. А она улыбалась.

— Оставайся самим собой, — говорила мне Вульфовна. — Больше никакой в событиях и людях, врывайся в жизнь.

Чтобы врываемся в эту самую жизнь, я и умчался месить грязь на Север, несмотря на пару очень заманчивых предложений.

И не успел попрощаться с ней. И теперь уже не смогу этого сделать никогда!

А еще я здорово подвел ее!

Когда она создавала Студенческий театр эстрадных миниатюр, то очень хотела, чтобы я в нем был. В СТЭМ пришли все мои друзья, ставшие в дальнейшем замечательными артистами, режиссерами, журналистами, поэтами. Игорь Красавский, Миша Снапир, Валерий Егоров, Володя Сухов, Игорь Савостин...

Но я к этому времени уже наелся театра. И решил попробовать себя на эстраде. Так я оказался в вокально-инструментальном ансамбле, а не рядом с Вульфовной.

Простите меня, Тамара Львовна!

Но вашу науку и ваши слова янесу за жизнь, как самую главную установку.

ЕГОРОВ

Он был своим для огромного числа людей — журналистов, чиновников, политиков.

А в Литературном театре Дворца культуры моряков о нем говорили: «Наш». И обращались к нему по-своему — Валик! Не господин Егоров, не Валентин Альфович, не товарищ заместитель директора...

В мае 2005 года, наконец-то, прилетел в Калининград на целый месяц. Праздновали 75-летие города, мне организовали несколько концертов.

Первый, кому я позвонил, был ты, Валька. Я не знал твоего домашнего телефона, поэтому нашел номер телевизи-

Альберт Михайлов и Владимир Сухов

онной компании «Янтарь», в которой ты работал заместителем руководителя.

— Валентин Альфович умер 20 января... — ответили мне.

Я ехал к тебе всю жизнь! И опоздал.

Сегодня я хороню тебя, Валька!

А лет сорок назад ты похоронил меня. Ты знал, что я разбился в той страшной вертолетной аварии на Севере. И считал меня погибшим.

А я выжил и ехал к тебе, Валька!

Я часто вспоминал наши разговоры, твои рассказы, твои идеи.

И когда речь заходила о Калининграде, я пересказывал твою юмореску о калининградской погоде. Ту, герой которой смотрит в окно и говорит: «Солнце... дождь... снег... град... солнце... дождь...»

И все это на протяжении пяти минут.

Человеки смеялись!

А когда спрашивали о студенческом житье-бытье, я рассказывал, как нам не хватало денег, как мы с тобой начали разгружали на мукомольном заводе туки с мешкотарой. Каждый тючок весил по семьдесят килограмм. Утром нельзя было пошевелить ни рукой, ни ногой, но зато в кармане приятно хрестил червонец.

А если просили рассказать что-нибудь о начале моего музыкального пути, я вспоминал, как ты организовал нашу игру на танцах. Мы втроем — ты, я и Юрий Девяткин — играли по пятницам, субботам и воскресеньям в каком-то деревенском клубе под Багратионовском. Просто там жила твоя знакомая и ты договорился. Это было легче, чем вагоны. Отыграли вечер и получили столько же. Но без надрыва.

Под Новый год нас попросили поиграть подольше, до последнего автобуса, на котором мы могли бы уехать в город. Мы согласились. А когда около двенадцати ночи вышли на остановку, оказалось, что последний автобус отменили из-за голода. Ах, как мы втроем топали в Калининград! Всю ночь! По обочине идти было чрезвычайно трудно: она раскидалась. А по асфальту двигаться невозможно: ноги разлезжались.

Только к семи утра мы смогли добраться до трамвайного кольца на улице Дзержинского.

А потом мы разлетелись из родного города. Ты — на Камчатку, я — на Тюменский Север.

И с тех пор не виделись.

Но я ехал к тебе, Валька!

А ты вернулся с Камчатки, работал в газете, в администрации области, на телевидении.

А еще писал. Писал стихи, очерки, рассказы, юморески, песни. Многие спектакли Литературного театра немыслимы без твоих песен. Ты был для театра классиком, мэтром.

Любимый поступал наших преподавателей Тамары Львовны Вульфович и Галины Васильевны Степановой, — «лич-

И он играл! И как играл!

А в 73-м Алик Михайлов подхватил эстафету у Вульфовны и создал Литературный театр.

И последовала серия блестательных Мишиных ролей.

Он просыпался знаменитым после каждой премьеры, являя восторженным зрителям героев Плавта, Мольера, Белова, Астафьева, Довженко, Марцинкевича, Сухово-Кобылина, Дюрренматта, Стриндберга...

Десятки персонажей, одушевленных им, навсегда останутся в памяти калининградцев.

А еще он был великолепным чтецом и неподражаемым исполнителем российской и советской юмористики.

Вместе с ним на сцену СТЭМа и Литературного театра пришла целая плеяда одаренных, образованных ребят, но он был для них непрекаемым авторитетом, кумиром. Многие не уступали ему, но равных не было...

Чтобы прокормить семью, он спускался в кочегарку, брал в руки дворнику метлу и снова возвращался на сцену...

Свое решение уехать из России Миша вынашивал долго и мучительно.

Я в то время в Калининград наведывалсяредко. Залечу на день-два, повидав родителей и — на самолет. Встретиться с друзьями времени не оставалось. И потерял Мишу из виду. Зная, что он в Израиле, планировал, если поеду туда на гастроли, первым делом свяжусь с Мишкой.

Думаю, что жила в нем наивная вера в лицедейскую востребованность на исторической родине. Но реальность оказалась не столь фартовой. Никто нас там не ждал. Пробиваться надо было самим. А это в условиях чужого языка и чужой ментальности, ох, как сложно! Я знаю — сам эмигрировал.

Трудно ему было! Но он, я уверен, остался тем же Мишкой Снапиром — веселым, находчивым, умным, добрым и невероятно талантливым. Таким, каким я его знал, и каким буду помнить всегда!

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТЕАТР

В 1973 году в только что отремонтированном после войны здании биржи получил прописку Дворец культуры, в котором, по непонятным законам природы, стали возникать уникальные культурные явления, над разгадкой которых до сих пор не боятся никакие ученые умы.

Впрочем, это и хорошо. Ученый ум — как яйцо. Он должен не только биться, но и разбиваться. Чтобы не только деду с бабкой доставалась бесполезный желток, но и глупой мышке как аллегории нового поколения. Куда-то бежала, хвостиком маяхнула — и вдребезги все культурное наследие прошлого.

Калининград-Кенигсберг вот уже 765 лет является географическим центром Европы в геометрическом смысле. А опорная ножка циркуля находит именно здесь! Именно от здания бывшей Фондовой биржи архитектора Мюллера с 1875 года идут метрические исчисления на картах города и прилегающих к нему территорий.

Созданные здесь творческие коллективы, первым из которых был Литературный театр, до сих пор сохраняют мощнейший творческий тонус и продолжают удерживать в своем силовом поле практики всех, кто хотя бы однажды здесь намагнитился.

Несомненно, что время в этом загадочном месте течет в разные стороны, образуя воронку, в которой чудесным образом синхронизируются энергетические потоки, берущие начало в тех счастливых глубинах, где рождались эмоции Моцарта, единство Мольера, манерная печаль Окуджавы, кованый ритм Маяковского, пронзительная ясность Платонова и Астафьева.

Поэтому люди, вкушившие творчества и успевшие поделиться им с другими, не уходят отсюда, даже если и уезжают, а возвращаются, даже если и умирают, чтобы обменяться энергией с теми, кто продолжает кружиться в невидимых световых потоках.

Потому что культура, воплощение творчества, несмотря на исторический возраст, всегда молодая, по сути. Она всегда открывает. А ее закрывают. В

Сцена из спектакля

Сцена из спектакля

в этом нет парадокса. Мальчик Лермонтов и старик Экклезиаст абсолютно равны, потому что родственны своей принадлежностью к мировой культуре. Они — люди творчества, они одной породы. Так же точно родственны только что выпущившийся из икринки малек и старая мудрая щука: они рыбы, они умеют плавать и правильно дышать.

Все, что несет в себе элемент творчества, входит в состав культуры. По праву рода. В этом смысле культура — поток света. Свет состоит из частиц, которые связывают узами общее свойство — свойство волны. Они умеют сливаться и умеют летать.

Свет все время летит, не теряя скорости. Представьте себе частицу света, которая потеряла скорость. Физики будут смеяться. Или просто не поймут. На то они и физики.

Культура — счастливое изобретение человечества. Она всегда будет юной, потому что существует за счет энергии творчества, хотя источник этой энергии неизвестен. Возможно, человечество создал не Бог, а сине-зеленые водоросли. Но существование культуры не объясняется простыми химическими реакциями.

В ответ на изобретение Страшного Суда хитрое человечество придумало культурное творчество. И раз в сто лет отчитывается перед Вечностью: я родил и воспитал Леонардо да Винчи, Шекспира, Пушкина, Чехова...

Не из страха перед судом, а оттого, что ощущение света переполняет душу, рождается и живет Литературный театр.

Девиз театра: «Культура — единственное оправдание человечества». Вот так. Ни больше, ни меньше.

Но если задуматься, то действительно, виновато человечество перед культурой! Не бережет, не дорожит, не ценит в должной мере и не развивает ее в себе. Разве не так?

И город Калининград виноват, и власти — прошлые и настоящие, и каждый из нас виноват.

Чем оправдаемся, точнее, — ком?

А вот такими людьми, как Альберт Сергеевич Михайлов — Человек, придумавший Литературный театр.

Общая весомость его культурногоклада в историю Калининграда, ей-бо-

гу, с ликвой оправдывает многие грехи товарищей, а теперь и господ Бывалых, твердо знающих лишь одно: талантов в нашем городе нет и быть не может!

Михайлов собрал на сцене Литературного театра такое количество одаренных людей, а в зале — такое количество влюбленных в них зрителей, что просто не понятно: куда оно все девается? Где насыщенная культурная среда?

Как бы то ни было, переполненный зал Литтеатра — и город, которому не хватило билетов, — это две параллельные реальности, которые никогда не сойдутся. Как хорошо, что мы в зале!

Алик Михайлов — не только театральный педагог, но и редкостный по нынешним временам организатор коллектива уровня А.С. Макаренко. Именно он вместе с Вульфовой создал первый в Калининграде СТЭМ — да какой! Студенческий театр Университета обладал такой колоссальной энергетикой, таким творческим потенциалом, что никому и в голову не приходило, что для веселья нужны какие-то привозные «звезды»... Какие звезды? Сегодня СТЭМ выступает!

Мировой рекорд по самому мощному студенческому смеху принадлежит михайловскому СТЭМу и Первомайским программам Литературного театра.

Стены Университета, а затем и Дворца моряков не выдерживали — нет, не рушились, а позволяли разноситься по всему городу волнам хохота и криков восторга. Прогрессивная молодежь знала, куда пойти и первого апреля, и второго, и третьего, и сорок четвертого.

Университет, как ему и положено, был в те годы очагом культуры. Литературная и театральная критика, продвинутая филология, прогрессивная и талантливая журналистика, фанаты и знатоки киноискусства, наиболее ценные кадры телевидения — все роились вокруг Университета. А самой притягательной личностью был Алик Михайлов. Его дружбой дорожили и студенты, и преподаватели, и дом его был открыт для всех интересных и самобытных людей. А сам он был чем-то похож на Чехова. Хлебосол и внимательный наблюдатель. Магнит и колайдер. Великий и скромный.

Литературный театр появился как доказательство того, что на театральной

сцене можно ставить не только пьесы, но и литературу — стихи и прозу. Инсценировка Михайлова, постановка Михайлова: «На дни оглядываясь эти...» Спектакль, в котором человек сорок играл, пели, двигались, передевались, танцевали, молчали, отбрасывали тени, воздействовали на зрителей как одна боевая команда, в то время произвел фурор. Нечто подобное видела Москва в Театре на Таганке.

Успех был оглушительным, и с тех пор планка ни разу не понижалась, несмотря на то, что поставлено более 200 спектаклей. Михайловский театр — это не развлечение, хотя там всегда интересно. Это,евые-таки, театр для развитых людей, которые сами умеют читать и мыслить. Именно для обмена мыслями в Литтеатре приходит зрителе. А еще для того, чтобы сверить свою гражданскую и нравственную позиции с позицией театра.

А почему из театра практически никто не уходит? Потому что это — Коллектив. Редкая и небывалая для театра структура. Один за всех, все за одного. Буквально. Литературный театр сегодня — это школа специалистов театрального искусства — композиторов, певцов, поэтов, музыкантов, художников, музыкальных оформителей, звукорежиссеров, художников по свету, мастеров по сценическому пошиву костюмов и, конечно, режиссеров.

Известный тележурналист Александр Политковский (один из авторов-основателей программы «Взгляд», муж Анны Политковской, — если кто не знает) специально приехал в Калининград, чтобы снять фильм о Михайловой и его уникальном театре. А узнал он об Альберте Сергеевиче, будучи во Владивостоке, от местного известного доктора физико-математических наук Сергея Пранца, кстати, бывшего ставшего литеатроща...

Или действительно тесен мир, или та-ков масштаб этой личности, видимой аж от дальних восточных границ.

Когда-то, в далекие 60-е, его, молодого редактора Калининградского телевидения, не отпустили учиться в Москву на Высшие сценические курсы, накатав «телефильму» о неблагонадежности и опасном

инакомыслии. Возможно, сам Михайлов переживал это событие как выстрел в спину и крушение творческой карьеры. Но мы должны благодарить обкомовское начальство за то, что Алик остался.

Ведь если бы он уехал, не было бы ни уникального Литтеатра, ни спектаклей-шедевров, таких, как «Псевдол», «Пастух и пастушка», не было бы буйного талантования, дружбы и взаимопонимания, песен Вали Егорова, Снапира, Сухова...

В фильме А. Политковского Алик говорит: «Мы — пропущенное поколение. Поколение, которого не было». Это, конечно, не так. А Высоцкий, Вознесенский, Марк Захаров, Тарковский, Шукшин, Андрей Битов, Алексей Герман — можно ли их отнести к пропущенному поколению? Скорее, это поколение отдельных личностей, которых, конечно же, очень мало. Один — за всех.

Театр Михайлова показал Калининграду, что он не провинциален, а уникален и по количеству неповторимых творческих личностей, и по качеству зрительской аудитории, которую не устраивает массовая культура. Непреходящая популярность Литературного это доказывает.

Михайлов показал настоящий по накалу страсти театр и настоящую литературу, где дышит почва и судьба.

Театр постоянно разрушает стереотипы. Даже тех, кто его не любил, он заставлял себя уважать.

Уникальна история с гастролями Литтеатра в Германии. Некий приезжий немец — директор школы — случайно увидел эстрадно-юмористическое представление Литтеатра, и на свои деньги пригласил весь коллектив сыграть пару спектаклей в свою глупую немецкую провинцию. Понравилось!

Шесть раз подряд угоняли театр в Германию!

Двухчасовые представления шли по два-три раза в день. Отбоя от зрителей не было. Посмотреть на диковинных русских из Кёнигсберга приезжали на «Мерседесах» и тракторах немцы с семьями со всей округи, и ржали, и хлопали в ладоши, и роняли слезы, и подпевали, и не хотели расходиться.

Когда Дворец культуры перепрофилировали в выставочный зал, все задавали большой и непонятный вопрос: как жить дальше?

Мудрый Альберт Сергеевич знал: честно надо жить. Но это недостижимое для многих премудрство.

Всё меняется в жизни — но не меняются приоритеты власти предержащих.

В 70-е годы Литературный был неудобным и раздражающим явлением на фоне фальшивой официальной культуры и идеологии. Уж слишком он был не такой!

Сегодня Литературный театр еще больше раздражает изготовителей и продавцов культурной жвачки, а также их идеологических спонсоров.

И, слава Богу! Может, еще и случится какой-нибудь шум. Тишина всегда подозрительна. Потому что Михайлов знает: театр нельзя закрыть. Театр можно только открыть. И повторится всё, как встарь. И вишневый сад опять будет вырублен. Но это не повод для уныния. Ведь это — всего лишь жизнь.

Сцена из спектакля

Сцена из спектакля

